

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-82-91>
УДК 94 (470)''08/16''

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЯТИЧСКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ С ЕГО КОЧЕВЫМИ СОСЕДЯМИ В IX-XI ВВ.¹

Анатолий Майоров

Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина,
Орел, Россия

THE SPECIFICITY OF INTERACTION OF THE VYATICH ETHNO-POLITICAL ASSOCIATION WITH ITS NOMAD NEIGHBORS IN THE IX-XI CENTURIES

Anatoly Mayorov

Parakhin Oryol State Agrarian University,
Orel, Russia

Introduction. Relevance and dating: one of the widely known stereotypes of the interaction between the Forest and the Steppe, considered as economic and social structures, is their innate rivalry and struggle. **Materials and methods.** An analysis of the data available to historical science suggests that following the stereotypes described above, when considering specific events and consequences of the interaction between the Vyatichi ethno-political association and its nomadic neighbors (near and distant) in the 9th-11th centuries, leads to obviously erroneous conclusions. **Results.** Source base: the sources here are, first of all, the results of archaeological research, which indicate numerous and clear signs of cultural, economic, administrative-military interaction. Applied methods: comparative-historical, diachronic-analytical using an interdisciplinary approach. In medieval Slavic history, one can find examples of different types of interaction between Slavic societies and their steppe neighbors: permanent struggle, principled war, neutral coexistence, as well as cooperation and interaction. One of the specific examples of this kind of interaction is the history of the emergence and development of the Upper Oka Vyatichi ethno-political association, which refutes most of the stereotypes stated above. **Conclusion.** The period considered in this report indicates, rather, the likely symbiotic reciprocity of the interaction of the Vyatichi community with representatives of the nomadic culture, which over time was destroyed by the military and political activity of the Kievan Rurikovich. The first centuries of the existence of this community demonstrate the enviable productivity and effectiveness of the interaction of the Vyatichi with their nomadic neighbors in various aspects of interaction, ranging from economic, political and cultural enrichment to possible cooperation in the field of animal husbandry.

Keywords: Forest, Steppe, Vyatichi, nomads, interaction, Rurikids.

Введение. Одним из широко известных стереотипов взаимодействия Леса и Степи, рассматриваемых в качестве хозяйственно-бытовых укладов, является их извечное соперничество и борьба. **Материалы и методы.** Анализ имеющихся в распоряжении исторической науки данных позволяет утверждать, что следование описанным выше стереотипам, при рассмотрении конкретных событий и

¹ Оригинальная статья.

Citation: Mayorov A. The specificity of interaction of the vyatich ethno-political association with its nomad neighbors in the IX-XI centuries // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 82-91. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-82-91. Майоров А.А. Специфика взаимодействия вятичского этнополитического объединения с его кочевыми соседями в IX-XI вв. // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 82-91. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-82-91

© Майоров А., 2023

последствий взаимодействия между вятичским этнопотестарным объединением и его кочевыми соседями (ближними и дальними) в IX–XI вв., несет значительную опасность прихода к очевидно ошибочным выводам. Источниковая база: в качестве источников, необходимых для анализа сведений, выступают, прежде всего, данные археологических изысканий, отмечающие многочисленные и явные признаки культурного, экономического, административно-военного взаимодействия. Применяемые методы: сравнительно-исторический, диахронно-аналитический с использованием междисциплинарного подхода. **Результаты.** Рассматриваемый в настоящем сообщении период дает указание, скорее, на вероятную симбиотическую реципрокность взаимодействия вятичского сообщества с представителями кочевой культуры, которое с течением времени разрушилось под воздействием непреодолимой силы в лице военной и политической активности киевских Рюриковичей. В средневековой славянской истории можно обнаружить примеры разных типов взаимодействия славянских социумов с их степными соседями: перманентная борьба, принципиальная война, нейтральное сосуществование, а также сотрудничество и взаимодействие. Одним из специфических образцов такого рода взаимодействия выступает история возникновения и развития верхнеокского вятичского этнополитического объединения, которая опровергает большинство заявленных выше стереотипов. **Заключение.** Первые века становления и сосуществования демонстрируют завидную продуктивность и результативность взаимодействия вятичей со своими кочевыми соседями в разных аспектах взаимодействия, начиная от экономического, политического и культурного обогащения и заканчивая вероятным сотрудничеством в области животноводства.

Ключевые слова: Лес, Степь, вятичи, кочевники, взаимодействие, Рюриковичи.

1. Введение.

Вопросы взаимоотношений и взаимодействия глобальных «Леса» и «Степи» за столетия своего бытования в российской культуре (и российском искусстве) приобрели окрас своеобразного цивилизационного противостояния, решавшегося преимущественно конфликтным образом. Как многим из нас известно, автором подхода можно полагать великого русского историка Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879). Согласно предложенной им схеме, многие специфические черты и особенности исторического развития Руси, а затем России, обусловлены контрастным членением Русской равнины на две географические зоны – зону лесов и зону степей. Зона лесов (по его мнению) способствовала оседлости, развитию земледелия и ремесел, а вот степи, в противоположность ей, выступали территорией бытования кочевого хозяйства и были широкой дорогой для азиатских кочевых народов, всячески боровшихся против стабильной государственности. Говоря кратко и грубо, особенности и успехи российского политогенеза (по С. М. Соловьеву) были обусловлены равнинной географией, родовым бытом и постоянной борьбой с кочевой опасностью [20, с. 11–13, 54–61 и др.].

В советский период эта концепция, в целом, официальной наукой критиковалась с точки зрения «недооценки классовых факторов в историческом развитии». Но в 80-е гг. XX в., благодаря довольно многочисленным художественным произведениям, такого рода подход получил весьма широкое распространение в общественном сознании, в котором сложился весьма устойчивый стереотип агрессивных нападающих кочевников и мирных обороняющихся земледельцев. Нельзя сказать, что этот стереотип вообще не имеет под собой фактической основы, но людям образованным, а уж тем более, профессионально занимающимся историей, негоже безоговорочно следовать за ним. Наша конференция – один из прекрасных поводов более детально рассмотреть «нюансы» заявленного противостояния, чтобы либо убедиться в его достоверности, либо указать на заведомую индивидуальность каждого конфликта.

В средневековой славянской истории можно обнаружить примеры разных типов взаимодействия славянских социумов с их степными соседями: перманентная борьба, принципиальная война, нейтральное сосуществование, а также сотрудничество и взаимодействие. Одним из специфических образцов такого рода взаимодействия выступает исто-

рия возникновения и развития верхнеокского вятичского этнополитического объединения, которая опровергает большинство заявленных выше стереотипов.

2. Материалы и методы.

Следует напомнить, что в самом возникновении вятичского этнополитического объединения заметную роль сыграли явные носители степных традиций, являвшиеся носителями салтовской археологической культуры. В пользу этого говорят археологические материалы «кочевнического круга», полученные в результате исследования многочисленных вятичских поселений [18, с. 32]. География такого рода находок чрезвычайно широка: от бассейна северо-западного окского притока р. Угры (Красный поселок) до поселений у р. Дон. Их характер самый разнообразный: от предметов вооружения и конской сбруи до деталей костюма, украшений и предметов быта. Не являясь археологом, отсылаю всех заинтересованных слушателей к работам уже целой когорты высококвалифицированных исследователей, широко известным всем, кто интересуется данной темой. Нельзя не упомянуть тот факт, что верхнеокская территория периода славянского расселения демонстрирует явное присутствие на ней салтово-маяцкого населения, ассоциируемого, прежде всего, с Хазарским каганатом и кочевнической культурой [6, с. 157-158]. Хазарский каганат, по общему признанию, контролировал большую часть торгово-транспортных маршрутов, ведущих из Азии в Европу и обратно, а потому даже просто расселение восточных славян без предварительного согласия доминирующей державы представляется маловероятным.

3. Результаты.

Данные раскопок ряда городищ (Рыльского, Битицкого, Супрутского и др.) указывают на явную вовлечённость Хазарского каганата в ход местных дел. Более того, сами расселение и колонизация на первом этапе вятичского этно- и политогенеза (с IX по вторую треть X в.) могут характеризоваться «включением большей части населения... в состав Хазарского каганата», вслед за чем отмечается «конфронтация радимичей, вятичей и северян с Киевом, возможно создание... самостоятельного протогосударства» [23, с. 239-240].

Известное Супрутское городище на Упе к настоящему времени является информационно и материально насыщенным источником сведений о функционировании и специфике ранних славянских поселений на территории верхнеокского бассейна [2, с. 236-240]. Характер находок указывает на существование здесь комбинированного торгово-ремесленно-военного центра, к которому тяготели не только близлежащие территории, но и значительная (если не вся) часть верхнеокского участка окско-донского торгового пути [5, с. 376]. Хронологическая синхронность поселения подобным ему восточноевропейским населённым пунктам с явным присутствием норманнских вооружённых формирований (Ладога, Рюриково городище, Гнездово, Тимерёво, Сарское городище, Шестовица, и др.) подтверждает гипотезу о единой торгово-транспортной системе, ведущей каким-то образом согласованную деятельность. Сформированная из находок коллекция характеризуется «...уникальным сочетанием в ней предметов славянского (роменского), хазарского (салтовского) и скандинавского происхождения» [13, с. 72]. Но местный верхнеокский центр от своих аналогов отличается своей явной полиэтничностью и поликультурностью: «...Население Супрутского городища было сложным этносоциальным организмом, в котором сосуществовали гребцы-викинги, хазарские всадники и славянское население. Вопрос о взаимоотношениях между тремя основными составляющими населения ещё требует своего разрешения» [14, с. 39].

И здесь мы видим, что отношения явных кочевников хазар и формирующихся вятичей можно описать как «формирование, пестование и заботу». Никакого конфликта, а

уж тем более, боевого не наблюдается. Кочевники-хазары для нескольких групп восточных славян, в дальнейшем составивших вятичей, были проводниками, защитниками и работодателями.

Возможно, также заслуживает упоминания волынцевская археологическая культура, носители которой выглядят наставниками и «проводниками» первых вятичских переселенцев VIII-IX вв. на Верхнюю Оку [24, с. 194-196]. Она в это время к югу от Оки проходила процесс сложных преобразований и тесно взаимодействовала с роменской (их в настоящее время рассматривают как разные стадии единой культуры), на что указывают многочисленные находки керамики, относимой к этой культуре, на памятниках рассматриваемой территории [15, с. 22, 28, 33; 19, с. 256-266]. Рассмотрение мест нахождения и датировок волынцевских древностей позволяет говорить об административной и культурной связанности славянских первооселенцев на Верхней Оке с её носителями, являвшиеся, судя по всему, отдельным социально-этническим сословием Хазарского каганата [24, с. 193-195]. Составлявшие на первом этапе местную «элику», они некоторое время явно сохраняли особую «...этнокультурную идентичность, степень которой снижалась по мере продвижения на север до больших излучин Десны и Оки» [24, с. 196]. В более поздние периоды отдельные особенности «волынцевского наследия» можно отследить среди черт, присущих различным вариантам культуры роменской, общей для северян, вятичей и радимичей [6, с. 127, 134, 145-146, 158-159]. Кем бы ни были носители этой культуры – предшественниками северян (как часто полагают сейчас), аланами, мадьярами (как чаще считалось ранее) – в части административной они явно соотносятся с Хазарским каганатом [4, с. 8-9; 1, с. 271-290; 27, с. 130-139; 25, с. 33-34 и др.].

Показателем и доказательством продолжения такого сотрудничества было распространение куфического серебра: его поступление на рассматриваемую территорию, отмеченное выпадением многочисленных кладов, можно (по крайней мере для IX-X вв.) соотнести с относительно позитивным взаимодействием ещё только формирующегося из разнокультурных и, порой, разноэтнических групп вятичского этнополитического объединения [11]. С VIII в. по 60-е гг. X в. в верхнеокские земли постоянно шел поток куфических монет, наиболее вероятным маршрутом попадания которых сюда и далее на запад был Донской, а позднее – Волго-Окский торговый путь. Кстати, эти маршруты могут быть возможными путями распространения предметов «степного круга». «На территории.., где выпадали клады второй половины X – первой половины XI в., находки степного круга отсутствуют (кроме селища Слободка 2), так как путь дирхемов сюда уже был несколько иной – через Волжскую Болгарию. ... хронологические рамки проникновения предметов кочевнического круга древностей на Верхнюю Оку могут совпадать со временем выпадения здесь кладов куфических монет, поступавших через Хазарию до первой половины X в. Наибольшая концентрация салтовского импорта на Верхней Оке наблюдается на двух городищах – Супруты и Чертово Городище. Пик их функционирования приходится как раз на период действия донского торгового пути с его упинским участком в IX – первой половине X в. Не исключено, что часть находок – детали удила, лопастные наконечники стрел – может быть связана с печенегами, уже в первой половине X в. активно совершавшими набеги на территорию Хазарского каганата, включая, вероятно, и зоны так называемых хазарских даней» [18, с. 43].

Ещё один фактор. Как известно, норманны плавали на своих судах по рекам, озерам и морям, были силой, преимущественно, безлошадной. Славяне, согласно различным византийским, европейским и восточным источникам, также не славились своими кавалерийскими достижениями. Лошадь была известна, но её применение, судя по всему, было весьма ограничено. Русские же летописи, повествуя о легендарном походе Олега на Царьград, упоминают воинство, ушедшее «на греки» в 907 г. верхами: «...поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдъ, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци ... [И] съ сими со всеми поиде Олегъ на конехъ и на

кораблехъ» [10, с. 29]. О судьбе, целях и маршруте отрядов, ушедших «на конех», ничего не известно, хотя именно «на конех» могли уйти в поход близкие вятичам северы (памятуя о конной дружине Супрутского поселения). Больше о нем нигде не говорится, а потому зачастую это сообщение проходит по категории неких исторических курьезов, поскольку проход по Балканам конного отряда, вследствие сложной политической и военной обстановки конца IX – начала X вв. (борьба царя Симеона Великого и его сына Петра с Византией за доминирование), представляется практически невозможным [9, с. 75-78, 84-86]. Методом исключения можно отобрать наиболее вероятных «конников»: северян либо вятичей. Владение кавалерийскими навыками, безусловно, не является доказательством дружбы с кочевниками, но указывает на вероятность существования плотных контактов с ними.

Помимо прочего, поступление в последних десятилетиях X в. куфического серебра на Верхнюю Оку связывается с Волжской Булгарией, которая также является одним из немногих претендентов на признание её союзником вятичей в борьбе с Рюриковичами [12, с. 124, 125; 25, с. 34-35]. Продолжение взаимодействия вятичей с этим государственным образованием, ставшим к концу X в. фактическим эмиссионным центром, занятым доставкой серебряной куфической монеты и выпуском монеты собственной, исторически тесно связанной с кочевнической традицией, хотя и переведшим своё функционирование в режим оседлости, также указывает на осуществление позитивного взаимодействия со Степью в широком значении этого слова.

Киевские же князья, напротив, были для вятичей источником постоянного широкоформатного беспокойства. Достаточно вспомнить, что разрушение Супрут и Чертова городища, по данным археологического обследования территорий, было осуществлено некими «северными дружинами», а отнюдь не носителями кочевых степных культурных традиций [6, с. 163]. В раннее время местные поселения выполняли административные и сторожевые функции, но не были как-то серьёзно укреплены: «Отсутствие собственных мощных укреплений и использование в качестве таковых валов предыдущих эпох объясняется стабильной политической обстановкой, вызванной патронатом Хазарского каганата, заинтересованного в бесперебойном функционировании торгового пути. Обстановка в регионе меняется после военной экспедиции, предпринятой русскими дружинами в первой четверти X в., в ходе которой был уничтожен административный центр Верхнеокского участка Донского торгового пути – городище Супруты, и прекращают своё существование прочие городища данного периода» [8, с. 194]. Само возникновение укреплений на городищах окско-донского водораздела стало, по всей видимости, результатом деструктивной деятельности «русских дружин», а отнюдь не кочевников [8, с. 194-195].

Как известно из летописей, в 985 г. князем Владимиром был совершён поход на Волжскую Булгарию на ладьях *и в сопровождении торкской (очевидно, кочевнической) кавалерии*: «иде Володимиръ на Болъгары. съ Добрынею оуемъ своимъ в лодьяхъ. а Торки берегомъ приведе на конехъ. и тако победи Болгары» [16, стб. 71]. Вот здесь то и можно наблюдать потенциально опасных для вятичей и их союзников кочевников.

XI в. крайне мало дал информации об особенностях существования вятичей как политического объединения, хотя и позволил отследить распространение знаменитых этноопределяющих признаков в виде височных колец, перстней, бипирамидальных бус и т.д. Но есть одна «зацепка» в политической истории - борьба за власть между Владимировичами: Мстиславом и Ярославом в 20-х гг. этого века. Границы державы Мстислава Владимировича выглядят почти также, как границы Хазарского каганата государственных структур днепровского левобережья [21, с. 130-145; 26]. В пользу последнего говорит этнический состав его войска (северяне, хазары, касоги и пр.), и реконструируемый титул тмутараканского князя (архонт «Матрахии, Зихии и всей Хазарии»), также как и прослеживаемый у черниговского правителя титул «каган» [7, с. 128-138; 3, с. 25; 22, с. 339-340]. А вот соперник Мстислава князь Ярослав после раздела Руси в результате битвы при Ливене 1024 г. был вынужден удалиться в «варяжский»

Новгород [10, с. 145]. Судя по всему, касоги, хазары и прочие «кочевые народы» в описанной ситуации выступали в числе первых сторонников Мстислава наряду с северянами и вятичами.

Ненужность (для вятичей) защиты от кочевников и «нелюбовь» к прочим Рюриковичам прослеживается в знаменитом прохождении «сквозе Вятичи» славного защитой Руси от кочевников Владимира Мономаха «...к Ростову идохъ, сквозе Вятиче, посла мя отецъ», подчеркивая, что не побоялся пойти былинной прямоезжей дорогой, опасной для князей и их дружин [16, с. 156]. А под 1092-1093 гг. «...въ Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму» [16, с. 158]. И так далее, и тому подобное...

4. Заключение.

Перечисленные выше фактические данные позволяют утверждать, что в период существования и функционирования верхнеокского вятичского этнополитического объединения, его отношения с различными носителями разнообразных форм кочевнической степной культуры оставались, преимущественно, нейтрально-позитивными, связанными, большей частью, с оборонно-союзническим взаимодействием либо взаимовыгодной торговлей (побудительные мотивы переселения носителей роменский культуры на север до начала формирования вятичского этнополитического объединения в данной статье не рассматриваются). Негативный опыт можно обнаружить лишь в упомянутых летописями эпизодах «привода» на территорию, занятую вятичами, кочевнических формирований князьями из клана Рюриковичей, стремившихся установить контроль за старыми и новыми торгово-транспортными путями, маршруты которых проходили по этой земле.

Список источников и литературы

1. Артамонов, М. И. (1990). *Первые страницы русской истории в археологическом освещении* // Советская археология. № 3. С. 271-290.
2. Археологическая карта России. Тульская область. Часть 1. Под ред. Ю. А. Краснова. Москва: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.
3. Бабаев, К. В. (2009). *Монеты Тмутараканского княжества*. Москва: Древлекранилице. 104 с.
4. Горюнов, Е. А. (1975). *О памятниках волынцевского типа* // Краткие сообщения института археологии. Т. 144. Средневековые древности Восточной Европы / ред. И. Т. Кругликовой. Москва: Наука. С. 3-10.
5. Григорьев, А. В. (2012). *На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки* // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. Москва; Вологда: «Древности Севера». С. 366-379.
6. Григорьев, А. В. (2005). *Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э.* Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 207 с., ил.
7. Жуков, И. А. (2014). *Ранняя вислая печать черниговского князя Мстислава Владимировича – когана русского (1023-1036 гг.)* // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII-XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18-20 апреля 2014 года. Материалы докладов и сообщений. СПб.: Знакъ. С.128-138.
8. *Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней.* Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва: Наука, 1987. 558 с.
9. Колоколов, А. М. (2021). *Типология славянских городищ IX – первой половины XI века на территории окско-донского водораздела* // Археологическое наследие. № 1 (4). Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 185-220.

10. Летопись по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1872. 592 с.
11. Майоров, А. А. (2016). *Миграционные процессы в Верховском (Верхнеокском) регионе в VIII-XII вв.* // Вестник Костромского государственного университета. Т. 22. № 4. С. 8-13.
12. Майоров, А. А. (2023). *Вятичское этнопотестарное образование в контексте экономических и политических процессов в Восточной Европе IX - X вв.* // Вестник Брянского государственного университета. № 1(55). С. 119-130.
13. Мурашева, В. В. (2001). *Городище у с. Супруты (IX – начало X в.) в системе этнокультурных связей* // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; Москва – Великий Новгород. С. 72-73.
14. Мурашева, В. В. (2008). *Супрутский клад. Из раскопок 1969 г.* Труды ГИМ. Вып. 175. Москва: ФГУК «Государственный исторический музей». 48 с., ил.
15. Никольская, Т. Н. (1981). *Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв.* Москва: Наука. 296 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд-е 2. СПб.: Тип-я М. А. Александрова, 1908. 574 с.
17. Поучение Владимира Мономаха // Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). Сост. и ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачев. Москва: Художественная литература, 1969. С. 146-171.
18. Прошкин, О. Л. (2017). *Кочевнические древности IX-X веков в северо-западной части бассейна Верхней Оки* // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 13. Москва: Институт археологии РАН. С. 32-44.
19. Седов, В. В. (2002). *Славяне: Историко-археологическое исследование* / Ин-т археологии Рос. академии наук. Москва: Языки славянской культуры. 624 с.
20. Соловьев, С. (1883). *История России с древнейших времен.* Т. 1. Изд. 6-е. Москва: Университетская типография. 350 с.
21. Тортика, А. А. (2006). *Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.):* Монография. Харьков: Харьк. гос. акад. культуры. 553 с.
22. Чхаидзе, В. Н. (2018). *Матарха-Тмутаракань – между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса* // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-20 апреля 2018 г. Материалы конференции. Москва: Институт всеобщей истории РАН. С. 337-342.
23. Шинаков, Е. А. (1996). *О характере размещения населения степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам левобережья Днепра)* // Историко-археологический сборник. № 8. Минск: Институт истории АН Беларуси. С. 236-256.
24. Шинаков, Е. А., Чубур, А. А. (2018). *Волынцевские древности брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII-IX веков на юге Восточной Европы* // Старожитності Лівобережжя Дніпра = Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: збірник наукових праць/ ЦП НАН України і УТОПІК; ІКЗ «Більськ»; [відп. ред. – І.І.Корост, наук. ред. – О. Б. Супруненко; ред. колегія: О. М. Титова, І. Б. Шрамко та ін.]. Київ-Котельва: ЦП НАН України і УТО-ПІК. С. 183-199.
25. Шинаков, Е. А., Чубур, А. А. (2020). *Урало-поволжский контекст генезиса лучевых головных колец* // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. № 1 (8). С. 31-38.
26. Щавелев, А. С. (2012). *Черниговская Русь Мстислава Владимировича: несостоявшееся государство* // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 3. Выпуск 5(13). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (дата обращения: 03.11.2021).

27. Щеглова, О. А., Обломский, А. М., Гавритухин, И. О. (1996). *Памятники волынцевского типа, их специфика и генезис // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. Москва: Институт археологии РАН. С. 130-139.

References

1. Artamonov, M. I. (1990). *Pervye stranicy russkoj istorii v arheologicheskom osveshhenii* [The first pages of Russian history in archaeological coverage] in *Sovetskaja arheologija*, 3, 271-290. (in Russian).

2. *Arheologicheskaja karta Rossii. Tul'skaja oblast'. Chast' 1.* [Archaeological map of Russia. Tula region. Part 1]. Pod red. Ju. A. Krasnova. Moscow, Institut arheologii RAN, 1999. (in Russian).

3. Babaev, K. V. (2009). *Monety Tmutarakanskogo knjazhestva* [Coins of the Tmutarakan Principality]. Moscow, Drevlehranilishhe Publ. (in Russian).

4. Gorjunov, E. A. (1975). *O pamjatnikah volyncevskogo tipa* [On monuments of the Volynsevo type] in *Kratkie soobshhenija instituta arheologii*. T. 144. *Srednevekovye drevnosti Vostochnoj Evropy*, red. I. T. Kruglikovoj. Moscow, Nauka Publ., 3-10. (in Russian).

5. Grigor'ev, A. V. (2012). *Na Desne i Sejme, v verhov'jah Dona i Oki* [On the Desna and Seim rivers, in the upper reaches of the Don and Oka rivers] in *Rus v IX-X vekah: arheologicheskaja panorama*. In-t arheologii RAN; otv. red. N. A. Makarov. Moscow, Vologda, *Drevnosti Severa* Publ., 366-379. (in Russian).

6. Grigor'ev, A. V. (2005). *Slavjanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v konce I — nachale II tys. n. je.* [Slavic population of the watershed of the Oka and Don rivers at the end of the 1st - beginning of the 2nd millennium AD]. Tula, State Museum-Reserve "Kulikovo field". (in Russian).

7. Zhukov, I. A. (2014). *Rannjaja vislaja pechat' chernigovskogo knjazja Mstislava Vladimirovicha – kogana russkogo (1023-1036 gg.)* [Early hanging seal of the Chernigov Prince Mstislav Vladimirovich - Russian Kogan (1023-1036)] in *Mezhdunarodnaja numizmaticheskaja konferencija «Epoha vikingov v Vostochnoj Evrope v pamjatnikah numizmatiki VIII-XI vv.»*. St. Petersburg, Staraja Ladoga, 18-20 aprelja 2014 goda. *Materialy dokladov i soobshhenij*. St. Petersburg, *Znak* Publ., 128-138. (in Russian).

8. Kolokolov, A. M. (2021). *Tipologija slavjanskih gorodishh IX - pervoj poloviny XI veka na territorii oksko-donskogo vodorazdela* [Typology of Slavic settlements of the 9th - the first half of the 11th century on the territory of the Oka-Don watershed] in *Arheologicheskoe nasledie*, 1(4). Voronezh, *Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaja kniga»*, 185-220. (in Russian).

9. *Kratkaja istorija Bolgarii. S drevnejshih vremen do nashih dnei* (1987). [Brief history of Bulgaria. From ancient times to the present day]. Otv. red. G. G. Litavrin. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

10. *Letopis' po Lavrentievskomu spisku. Izdanie Arheograficheskoj komissii* [Chronicle according to the Lavrentievsky list. Edition of the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, *Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk*, 1872. (in Russian).

11. Mayorov, A. A. (2016). *Migracionnye processy v Verhovskom (Verhneokskom) regione v VIII-XII vv.* [Migration processes in the Verkhovsky (Upper Oka) region in the VIII-XII centuries] in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, t. 22, 4, 8-13. (in Russian).

12. Mayorov, A. A. (2023). *Vyatichskoe etnopotestarnoe obrazovanie v kontekste ekonomicheskikh i politicheskikh processov v Vostochnoj Evrope IX - X vv.* [Vyatichi ethno-potestar formation in the context of economic and political processes in Eastern Europe in the 9th - 10th centuries] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(55), 119-130. (in Russian)

13. Murasheva, V. V. (2001). *Gorodishhe u s. Supruty (IX – nachalo X v.) v sisteme jetnokul'turnyh svyazej.* [Settlement near the village of Supruty (IX - early X century) in the system of

ethno-cultural ties]] in Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologičeskogo s#ezda, t. II. St. Petersburg, Moscow, Velikij Novgorod, 72-73. (in Russian).

14. Murasheva, V. V. (2008). *Suprutskiy klad. Iz raskopok 1969 g.* [Suprutsky treasure. From excavations in 1969] in Trudy GIM, vyp. 175. Moscow, FGUK «Gosudarstvennyj istoričeskij muzej». (in Russian).

15. Nikol'skaja, T. N. (1981). *Zemlja vyatichej. K istorii naselenija bassejna verhnej i srednej Oki v IX-XIII vv.* [Land of the Vyatichi. On the history of the population of the basin of the upper and middle Oka in the 9th-13th centuries]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

16. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2. Ipat'evskaja letopis'. [Complete collection of Russian chronicles. T. 2. Ipatiev Chronicle]. Izd-e 2. St. Petersburg, Tip-ja M. A. Aleksandrova, 1908. (in Russian).

17. Poučenie Vladimira Monomaha. [Instruction from Vladimir Monomakh]. Izbornik (sbornik proizvedenij literatury Drevnej Rusi). Sost. i red. L. A. Dmitrieva i D. S. Lihachev. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1969. (in Russian).

18. Proshkin, O. L. (2017). *Kochevničeskie drevnosti IX-X vekov v severo-zapadnoj časti bassejna Verhnej Oki.* [Nomadic Antiquities of the 9th–10th Centuries in the North-Western Part of the Upper Oka Basin] in Arheologija Podmoskov'ja: Materialy nauchnogo seminar. Vypusk 13. Moscow, Institut arheologii RAN, 32-44. (in Russian).

19. Sedov, V. V. (2002). *Slavjane: Istoriko-arheologičeskoe issledovanie.* [Slavs: Historical and archaeological research]. In-t arheologii Ros. akademii nauk. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (in Russian).

20. Solov'ev, S. (1883). *Istorija Rossii s drevnejših vremen* [History of Russia since ancient times]. T. 1, izd. 6-e. Moscow, Universitetskaja tipografija. (in Russian).

21. Tortika, A. A. (2006). *Severo-Zapadnaja Hazarija v kontekste istorii Vostočnoj Evropy (vtoraja polovina VII – tret'ja četvert' X vv.).* [Northwestern Khazaria in the context of the history of Eastern Europe (second half of the 7th - third quarter of the 10th centuries)]: Monografija. Har'kov, Har'k. gos. akad. kul'tury. (in Russian).

22. Chkhaidze, V. N. (2018). *Matarha-Tmutarakan' – mezhdū Vizantiej i Rus'ju: problemy politiko-administrativnogo statusa.* [Matarha-Tmutarakan - between Byzantium and Russia: problems of political and administrative status] in Vostočnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXX Jubilejnye Čtenija pamjati člena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'eviča Pašuto. Moskva, 17-20 aprelja 2018 g. Materialy konferencii. Moscow, Institut vseobšhej istorii RAN, 337-342. (in Russian).

23. Shinakov, E. A. (1996). *O haraktere razmeshhenija naselenija stepi, lesostepi i lesa v drevnerusskuju jepohu (po materialam levoberezh'ja Dnepra).* [On the nature of the distribution of the population of the steppe, forest-steppe and forest in the Old Rus era (based on materials from the left bank of the Dnieper)] in Istoriko-arheologičeskij sbornik, 8. Minsk, Institut istorii AN Belarusi, 236-256. (in Russian).

24. Shinakov, E. A., Chubur, A. A. (2018). *Volyncevskie drevnosti brjanskogo Podesen'ja i ih mesto v istoričeskom kontekste VIII-IX vekov na juže Vostočnoj Evropy.* [Volyn'tsevo antiquities of the Bryansk near the Desna and their place in the historical context of the 8th-9th centuries in the south of Eastern Europe] in Starozhitnosti Livoberezhzhja Dnipra = Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: zbirnik naukovih prac' / CP NAN Ukraïni i UTOPIK; IKZ «Bil's'k»; [vidp. red. I. I. Korost, nauk. red. O. B. Suprunenko; red. kolegija: O. M. Titova, I. B. Šramko ta in.]. Kiïv-Kotel'va, CP NAN Ukraïni i UTO-PIK, 183-199. (in Russian).

25. Shinakov, E. A., Chubur, A. A. (2020). *Uralo-povolzhskij kontekst genezisa lučevyh go-lovnyh kolec.* [Ural-Volga context of the genesis of radial head rings] in Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ja, 1(8), 33-34. (in Russian).

26. Šchhavelev, A. S. (2012). *Chernigovskaja Rus' Mstislava Vladimiroviča: nesostojav-sheesja gosudarstvo.* [Mstislav Vladimirovič's Chernigov Rus: a failed state] in Jelektronnyj

nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija», t. 3, vypusk 5(13). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (date accessed: 03.11.2021). (in Russian).

27. Shcheglova, O. A., Oblomskij, A. M., Gavrituhin, I. O. (1996). *Pamjatniki volyncevskogo tipa, ih specifika i genesis*. [Monuments of the Volyntsev type, their specificity and genesis] in *Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst*. Moscow, Institut arheologii RAN, 130-139. (in Russian).

The article was submitted on 18.03.2023